

- Кулиш Ж.В. Берендеево царство в «Снегурочке» А.Н.Островского// Уч. записки Мелекесского гос.пед.ин-та. – Мелекес, 1964. – С.173-185.
- Мусий В.Б. История русской литературы второй половины 19-го века. - Одесса, 2006. – 121 с.
- Мусий В.Б. Легенды и мифы народов мира. – Одесса, 2004. – 201 с.
- Островский А.Н. Полн.собр.соч.: В 12-ти т. – М.,1977. – Т.7.: Снегурочка. – С. 364- 457.
- Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. – М.,1998. – 512 с.
- Ревякин А.И. Жанровое своеобразие драматургии А.Н.Островского// Искусство драматургии А.Н.Островского. – М., 1974. – С.189-202.
- Теплинский М.В. Профессия : литературовед. – Ивано-Франковск,2007. – 335 с.
- Теплинский М.В.«Снегурочка»- сказка о любви//Пьесы жизни. – К.,1991. – С.143-167.
- Францова Н.В. Три сестры в «Тридевятом царстве»//Драма и театр: Сборник научных трудов. – Тверь, 2005. – С.140 – 150.

Джербинова Л.М.

КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФЛОРО- И ЦВЕТОНОМИНАЦИЙ В НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Проблема исследования заключается в том, что цветообозначающая лексика до сегодняшнего дня не рассматривалась в сопоставлении лингвистических позиций, концептуального анализа русского, немецкого и крымскотатарского языках в крымскотатарской аудитории.

Цель статьи – показать средства выражения национально-культурной специфики «цветочных» и цветочных лексем, национально-культурных расхождений фразеологизмов с лексическим компонентом «цвет» и «цветы» в фольклоре и художественном изображении.

Новизна исследования заключается в теоретическом обозначении и практической реализации цветообозначений и употреблении фразеологизмов в русском, немецком и крымскотатарском языках.

С давних времен цвет и цветам придавались какие-то магические свойства, знаковые отличия.

Среди молодых девушек бытует выражение: «Красная роза – эмблема любви, черная роза – эмблема печали, желтая роза – эмблема разлуки, белая роза – свидания жди». Действительно, в былые времена такими цветочными символами можно было договориться влюбленным, передать какое-то сообщение друг другу, погадать на ромашке и т. д.

Часто цветовой гаммой пользуются не только художники, но и поэты; народ употребляет фразеологизмы и пословицы. Вокруг нас огромный, бесконечно прекрасный мир природы, людей и человеческих творений.

Ученые считают, что развитой глаз человека способен различать до тринадцати тысяч оттенков [8, с. 78].

Из всего этого человеческий разум способен употреблять значимые для себя цвета. Например, в крымскотатарской народной песне в словах влюбленного звучит: «Къараларны мен киейим, ал сенинь олсун» (Черное я надену, красное – ты). Выражая отрицательное отношение к человеку говорят: «Человек с черной душой» (кр. тат. *Къара юрек, ичи къара*). О молодой красивой девушке у крымских татар можно услышать: «Гуль киби дюльбер» (Красивая словно роза). Как и в живописи, люди, при выражении отношений друг к другу, делают цвета на теплые и холодные. Теплые: желтые, оранжевые, красные; синие – холодные. Если совсем убрать цвета, никакого цвета мы не увидим. Это и есть то, что мы называем черным цветом.

Итак, в формировании поэтической картины мира одна из ключевых ролей отводится цветообозначениям.

Названия цветов реализуют в поэзии как прямые, так и переносные метафорические и символические значения, претерпевают усложнения семантики, участвуя в создании не только фактуального, но и концептуального поэтического текстов.

За многолетнюю историю изучения цветообозначающей лексики сформировалось множество подходов к ее рассмотрению. В последние годы исследовательские акценты сместились в сторону проблем когнитивной семантики, этнолингвистики, лингвокультурологии, в связи с этим плодотворным становится изучение цветообозначений с позиций концептуального анализа.

Особое значение в своей поэзии Г. Иванов уделяет синему цвету. Он присутствует в пространственном ориентире: «Над синими далями русских лесов» или «Только синие волны разлуки, только синее слово «прости». «По синему царству эфира свободное сердце летит» [2, с. 125].

Особое отношение к синему цвету у болгар. В старину в сельских домах, где именно девушки на выданье, окна красились в синий цвет.

Синий цвет психологи относят к холодной цветовой гамме.

Спектр любимых цветов у крымских татар довольно широкий. Любимыми считаются белый (*бяз, акъ*), алый (*ал*), голубой (*кок*), зеленый (*ешиль*), синий (*мавы*), красный (*къырмызы, къызыл*), бордовый (*къюю къырмызы*), цвет золота (*алтын тюз*), серебра (*кумюш тюз*).

Национальный флаг крымских татар голубого цвета с золотой тамгой в виде весов, символизирующих равновесие, справедливость.

Белый цвет символизирует счастье, черный – несчастье, траур. Красный цвет исполняет защитную функцию. Розовый наряд девушки в прежние времена означал, что она еще не замужем. Замужняя женщина носила наряды зеленого, синего, бордового цветов.

Наряд невесты традиционно состоял из национального женского костюма с золотыми и серебряными отделками и украшениями. Использовался национальный орнамент.

Красочная гамма национального орнамента радует глаз мягкими благородными сочетаниями (шерстяные нити окрашиваются отварами корней, листьев или цветов растений, произрастающих в Крыму).

Основным орнаментом вышивок был растительный орнамент, часто превращающийся в прекрасный цветочный ковер. Об истоках творчества крымскотатарских мастериц У. Боданинский писал: «Красивая разнообразная природа Крыма, степи, голубые горы, долины рек, море, растительность, залитые ослепительными лучами южного солнца, оставила в народном творчестве татар, особенно в вышивках сильнейшие следы. Воспринимая все это под углом неисчерпаемой деятельности фантазии и облекая высокохудожественные формы в красочные созвучия, неведомые женщины-затворницы из толпы трудовых масс своим высоким творчеством и трудом создали целостный, яркий и большой стиль крымских вышивок.

В вышивках мы видим обилие цветов, окружавших мастерицу: цветущие кусты, деревья, гирлянды: «эгри-дал» – гнутая веточка, «гуль гондже» – бутон розы, «топ мелевше» – букет фиалок, «ляле» – тюльпан, «пападие» – ромашка, «кьаранфиль» – гвоздика, «замбакъ» – лилия, «тепси-чичек» – цветы на блюде, «череп-чичек» – ваза с цветами.

На одном из свадебных кисетов, хранящихся в Бахчисарайском музее, вышит «череп-чичек» – в центре сердце, а по краям листья и цветы розы. На свадебных вышивках много цветов, полумесяцы, солнце, которое напоминает цветок с изогнутыми влево лепестками [3, с. 10].

Вышивки крымских татар привлекали и привлекают внимание как специалистов-этнографов, так и просто любителей истории и искусства. Среди этнографических собраний в музеях Крыма, Санкт-Петербурга, Москвы и в частных коллекциях они составляют значительную часть, что говорит не только об их широком распространении в быту крымских татар, но и о большой художественной ценности.

Продолжая тему, обратим внимание на цветочную символику в немецком и русском языках. При рассмотрении этого вопроса используются фразеологические единицы и поговорки с лексическим компонентом «цветы», извлеченные из немецких и русских фразеологических единиц.

Национально-культурная специфика немецких «цветочных» лексем, которые могут использоваться в качестве составляющих немецких фразеологических единиц и поговорок, проявляется уже в том, что в значении изначально имплицирован национально-обусловленный символический образ. Была обнаружена достаточно большая группа «цветочных лексем», употребление которых для русского языка не характерно. Ср.: *Storchschnabel* (букв. клюв аиста) – герань; *Butterblume* (букв. масляный цветок) – одуванчик; *Massliebchen* (букв. мерная любовь) – маргаритка.

В русской фразеологии, и особенно фольклоре, наиболее приоритетными, в отличие от немецкого, являются следующие цветочные лексемы: мак, роза, лютики, колокольчики, ромашки. Ср.: «красна девка в хороводе, что маков цвет в огороде. Красна как маков цвет», «цветет как майская роза», «белены объесться», «залиться колокольчиком».

Национальная особенность русского народа проявляется в предпочтительном внимании к цветам, имеющим главным образом, красную насыщенную окраску, о чем весьма красноречиво свидетельствуют «золотые россыпи» русского фольклора: «Алый цвет по лицу расстилается, белый пух по груди рассыпается» (о внешности женщины: актуализируется признак «красивая», «здоровая»), «Аленький цветочек бросается в глазок» (актуализируется сема «красный» в значении «красивый») и др. Алый (красный) цвет закрепляется в русском сознании как некий эталон красоты, некий идеал, к которому следует стремиться. Ср.: Краше цвету алого, белее снегу белого, синее неба синего, зеленее луга зеленого, или как в известной песне поется «Лучше нету того цветцу, когда яблоня цветет» (актуализируется признак «очень красивый»).

Следует отметить в русском языке высокий удельный вес поговорок, у которых базовые лексемы имеют диминутивные суффиксы. Например: «цвели цветики да поблекли»; «любил молодец красну девицу, да покинул», «цветик-самоцветик». Диминутивные суффиксы с ласкательным оттенком опосредованно указывают на когнитивно-психологические особенности русского национального сознания, проявляющиеся, в частности, в чувственно-эмоциональном восприятии реалий окружающего мира. Чувство как «пионер познания» (Гегель) в русском менталитете выходит на первый план, что является, несомненно, отражением психического склада народа, его представления о мире, отражением его этнокультурной специфики.

Национально-культурные расхождения немецких и русских фразеологизмов с лексическим компонентом «цветы» особенно четко прослеживаются в эмотивно-аксиологическом аспекте. Например: немецкая фразеологическая единица «*Ein schönes Veilchen haben*» (букв. иметь прелестную фиалку) переводится на русский язык как «получить синяк». В немецком сознании синяк как телесное повреждение ассоциируется с фиалкой, а соответствующий фразеологизм приобретает отрицательную оценку и актуализирует признак «синий». В русском и крымскотатарском языках концепт «фиалка» соотносится только с положительными эмоциями. Ср. также: в немецком языке «трехцветная фиалка» обозначается как *Stiefmutterchen* (мачеха) – т.е. отрицательная коннотация, в русском языке – это «анютины глазки» (ассоциируется с образом нежной девушки), в крымскотатарском языке «козьелери мор мелевше» (глаза словно фиалки).

Удивляет, что в немецкой и русской фразеологии для обозначения каких-либо негативных реалий объективного мира с компонентом «цветы» актуализируются признаки, соотносящиеся с различными негативными сторонами человеческого бытия, в частности, с негативными переживаниями, состояниями человека (Ср.: *dastehen wie eine geknickte Lilie* – поникнуть); какими-либо негативными качествами (*eine komische Tulpe* – странный человек); с эстетическим несоответствием чего-либо (*wie eine Orchidee im Kuchengarten* – как орхидея на кухонном огороде, т.е. красиво, но не к месту) и др.

Немецкие и русские фразеологические единицы с компонентом «цветы» образуют три типа соотношений: эквивалентные, относительно эквивалентные и безэквивалентные.

Изучению цветоназваний в тюркских языках посвящены статьи и монографические исследования, но крымскотатарские цветообозначения не были предметом исследования.

Крымскотатарские прилагательные, обозначающие цветовые признаки предмета, характеризуются несколькими рядами синонимов, каждый из которых имеет в качестве доминанты название одного из основных цветов спектра. Наиболее употребительными и многозначными среди прилагательных данной группы являются лексемы *къара* (черный), *акъ* (белый), *кок* (серый), *сары* (желтый), *кызыл* (красный), которые относятся к древнему слою лексики и имеют общетюркское распространение.

В современном крымскотатарском языке *къара* является компонентом многих терминов. Один из них, соответствующий рассматриваемой теме – ботанический [5, с. 121].

Например: *къара эрик* – чернослив, *къара бибер* – черный перец, *къара дут* – шелковица черная, *къара богъдай* – гречиха, *къарагъач* – вяз, карагач, *къара чам* – сосна черная австрийская, *къара джилик* – черника.

Прилагательное *къара*, имея распространение во всех современных тюркских языках с незначительными фонетическими расхождениями, широко употребляется в крымскотатарском языке в устойчивых сочетаниях, пословицах и поговорках.: *къара ер* – могила (букв. черная земля). Это сочетание можно услышать в шуточной песне:

*«Ольмем бен, ольмем бен, къара ерге кирмем бен,
Къара ерге кирсем бен, зевкъ-сефа сюрмем бен».*
(букв. Я не умру, я не умру, в черную землю не уйду,
Если же уйду, веселиться не смогу);

Къара севда – впавший в меланхолию влюбленный человек; *къара йымырта къозламакъ* – набедокурить, очень переживать (букв. снести черное яйцо); *акъны-къараны таньмакъ (айырмакъ)* – уметь отличать белое от черного, т.е. иметь грамоту, уметь разбираться в людях. Пословицы *«Къаранлыкънынъ козю екъ, къармаласанъ – озю екъ»* (у темноты нет глаз, а поискать и самой нет; *къара хабер ерде турмаз* (черная весть не застаивается).

Наряду с ассоциацией темного, *къара* несет и лирическое значение: *къара чичегим* – ты мой черный цветок, любимая; (имеется в виду черноокая или черноликая красавица) или в песне поется: *«къара да къашилы, эля козлю, ярем вар меним»*, *«сенинъ къара козылеринъден, опьмек эфкъарым»* (моя любимая черноокая, с поволокою глаза; у меня желание поцеловать твои черные глаза) и т.д. [5].

А белый цвет – *акъ* обычно вызывает положительные ассоциации в значении светлый, чистый, незапятнанный: *акъ ел* – счастливого пути, *акъ гонъюлли адам* – чистосердечный человек; слова из лирической песни: *«Акъ черданда бенълерин вар, эр бири бир джан киби»* (На подбородке родинки, каждая как душа); или *«Йымыртадан безъсынъ, бордан акъсынъ, айланайым козюннинъ къарасындан»* (Ты белее яйца, белее мела, восхищаюсь твоими черными глазами) подтверждают вышесказанное, синонимичное слову *акъ* прилагательное *безъ* является заимствованием из арабского и имеет тоже значение белый.

В диалектике южнобережных крымских татар можно услышать выражение в значении очень красивая *«къапушта киби бем-безъ, гузель»* (букв. красивая как капуста).

Синонимичные прилагательные в значении красный – *кызыл, кырмазы, ал*, часто употребляются в лирической народной поэзии, сочетаясь с розой:

*Ешилъ япракъ арасында
Къырмазы гуль гонджеси*
(Среди зеленых листьев красный бутон) – сравнение милой с бутонем розы;

*Къырмазы гуле бенъзер
Яремнинъ дудакълары*
(Губы милой схожи с красной розой);

*Бааръ кельсе, ачса гуллер
Къырмазысын къокълайым*
(Если весной распустятся розы, вдохну аромат красной);

*Сабанынъ сари,
Танъы ал-гуллюдир.*
(Утренняя заря – краснорозовая).

Иногда для усиления значения красный употребляется сразу два прилагательных: *ал* и *кырмазы*:

*Шу кельген кимнинъ кызы –
Фистаны бар ал кырмазы.
Насыл ашикъ олмайым,
Ал янагъы гуль киби.*
(Чья это дочь идет – У нее юбка красная-красная)
(Как же мне не влюбиться, Алые щеки ее словно розы).

Лексема *сары* может быть компонентом названий деревьев, цветов и других растений: *сары чам* – сосна обыкновенная; *сары нилюфер* – желтая водяная лилия, кувшинка; *сары мантар* – желтяк (гриб).

В татарской песне поется:

*«Сары, Сары, сар-сары
Сары чичек башлары...»*

(Желтые, желтые, прежелтые головки желтых цветов...).

Кроме спектральных цветов, о которых шла речь, существуют и другие – коричневые, синие серые разных оттенков. Так, пользуясь пословицами, песнями, поговорками и другими фразеологическими единицами, можно провести аналогию с другими языками и тем самым внести свой небольшой вклад в исследование того или иного языка.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**: в рассматриваемых языках фразеологические единицы цветообозначений имеют как расхождения, так и сходства и имеют три типа соотношений: эквивалентные, относительно эквивалентные и безэквивалентные. Эту тему можно развивать и исследовать дальше.

Источники и литература

1. Бахшыш И. Къырымтатар халкъ йырлары. – Симферополь, 2004. – 384 с.
2. Григорук С.И. Концепт синего цвета в поэзии Георгия Иванова // Культура народов Причерноморья. – 2003. – № 44. – С. 125–130.
3. Желтухина О. Амальгама природы. Искусство вышивки у крымских татар // Qasevet. – 1998. – № 26. – С. 8–12.
4. Куркчи У. Фиқир инджилери. – Ташкент, Г. Гъулам адына эдебият ве санат нешири, 1986. – 83 с.
5. Меметов А.М. Лексикология крымскотатарского языка: Учеб. пособие. – Симферополь, Крымучпедгиз, 2000. – 288 с.
6. Фазыл Р. Къайда бирлик, анда тирлик. – Ташкент, Г. Гъулам адына эдебият ве санат нешири, 1971. – 181 с.
7. Хайрулдинов М.А., Усеинов С.М. Этикет крымских татар. – Симферополь: СОНАТ, 2001. – 288 с.
8. Юный художник / Сост. С.Д. Левин. – Ленинград, Художник РСФСР, 1961. – 210 с.

Ибрагимова В.Ф.

СЕМАНТИКА УКРАИНСКИХ ФАМИЛИЙ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Антропонимия представляет собой неисчерпаемый источник для изучения языка и культуры создавшего ее народа. Современным исследователям свойственно представлять процесс создания имени собственноразно как особую разновидность кодирования историко-культурной информации. При таком подходе антропонимия может рассматриваться как своеобразный культурный текст. Для исторической ономастики особую значимость имеет положение о том, что имена собственные, имеющие конкретную пространственно-временную отнесенность, во-первых, содержат ценнейшие сведения о развитии языка как официально-делового, книжного так и живого, разговорного, а во-вторых, являются источником этнокультурной и социокультурной информации.

Целью данного исследования является сравнительная характеристика семантических особенностей исконных украинских фамилий и украинских фамилий тюркского происхождения. Для достижения этой цели были проанализированы фамилии из «Реестра усього Війська Запорозького після Зборівського договору з королем польським Яном Казіміром, складений 1649 року...», фамилии украинских писателей, фамилии, функционирующие в сфере телепередач и др.

Безусловно, имена людей несут в себе значимую часть культуры и традиции всего народа. В России с приходом христианства славянские имена почти полностью канули в небытие. Существовали списки славянских имён, запрещённых церковью. Почему так происходило, не трудно догадаться. Одна часть имён (Лада, Ярило) была именами славянских богов, обладатели второй части были люди, которые и после христианизации Руси пытались восстановить культ и традиции языческого верования.

Существовала традиция наречения именем, состоящего из двух основ. Такие имена несли смысловую и эмоциональную нагрузку и имели специфическое произношение. Эта традиция присутствует одинаково во всех славянских странах по причине общего происхождения и общего этнического начала.

До и сразу после распада славянской общности, то есть прежде чем славянские племена вошли в орбиту влияния чуждых культур, языческая традиция и обычаи не позволяли членам племенной общности, а тем более правящей элите, отступать от канона двучленного имени (600 – 1000 г.г. н.э.). Ребёнок становился членом общества, когда в возрасте 7 лет переходил под мужскую опеку. Во время обряда инициации выбиралось новое имя, а старое имя, данное независимо от пола, под влиянием чувств и импульса матери, подлежало забвению. Новое осмысленное имя должно было соответствовать характеру ребёнка либо качествам, которые хотели бы в нём видеть родители, если у ребёнка был слабый характер. По славянским верованиям, имя было закланием и магическим знаком, связанным с человеком, его носящим.

Благодаря семантике двучленных имён, сохранённой традицией, мы многое узнаём о культуре и системе ценностей наших предков.

Фамилии у славян появились довольно поздно. Большинство из них произошло от отчеств (по крестильному или мирскому имени одного из предков), прозвищ (по роду деятельности, месту происхождения или какой-то другой особенности предка) или других родовых имен.

Первыми в XIV – XV вв. приобрели фамилии князья и бояре. До конца XVIII – середины XIX вв. большинство населения России фамилий не имело [1]. Как правило, славянские фамилии были одинарными и